

В очередной том включены статьи по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам средневековой и новой истории СССР. В исследованиях по источниковедению анализируются юридические памятники, летописи и другие виды источников. Статьи по вспомогательным историческим дисциплинам посвящены сфрагистике, нумизматике, метрологии, картографии. Особый раздел составляют статьи по вспомогательным историческим дисциплинам западноевропейской средневековой истории.

Редакционная коллегия:

А. И. КОПАНЕВ, акад. *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *Н. Е. НОСОВ* (отв. редактор),
чл.-кор. АН СССР *В. И. РУТЕНБУРГ*, *М. Б. СВЕРДЛОВ* (отв. секретарь),
В. Г. ЧЕРНУХА, чл.-кор. АН СССР *В. Л. ЯНИН*

Н. Е. НОСОВ

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И ПРОБЛЕМАТИКА ЕЖЕГОДНИКА
«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»¹**

Академик М. Н. Тихомиров был не только крупнейшим источниковедом, но и блестящим знатоком вспомогательных исторических дисциплин, особенно в области отечественной истории периода средневековья. По его инициативе и активном участии как председателя Археографической комиссии АН СССР были осуществлены многие крупные начинания в области изучения русских и зарубежных источников по истории Древней Руси. Особенно велики заслуги М. Н. Тихомирова в области изучения Русской Правды, летописания и других нарративных источников по истории русской культуры. Вопросами теоретического источниковедения М. Н. Тихомиров специально не занимался, придавая исключительно большое значение в развитии археографии практическому, конкретному источниковедению. Именно поэтому будет уместно на Тихомировских чтениях остановиться на некоторых перспективах развития отечественного источниковедения в связи с изданием ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», печатного органа Ленинградской секции Археографической комиссии, которой в течение почти десяти лет руководил С. Н. Валк — постоянный научный оппонент и ученый корреспондент Михаила Николаевича, а в последние годы его жизни и соредaktor в работе по подготовке издания «Истории Российской» В. Н. Татищева. Совместная работа над этим замечательным изданием не только способствовала сближению этих двух крупнейших советских ученых и археографов, но и послужила толчком к активизации работы советских археографов в области изучения специальных исторических дисциплин.

¹ Настоящее сообщение представляет собой изложение доклада, прочитанного автором на Тихомировских чтениях 1980 г., проходивших в г. Новосибирске 14—16 мая.

И хотя первый том ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», инициатором издания которого явился С. Н. Валк, вышел из печати в 1968 г., через несколько лет после смерти М. Н. Тихомирова, он во многом носит на себе следы влияния их обоюдной активной деятельности на поприще археографии, следы ученого согласия и ученых дискуссий по проблемам общего и специального источниковедения. Что касается научной программы ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», то она была определена его редакцией еще в 1968 г. как изучение, наряду с «традиционным» кругом вспомогательных исторических дисциплин, развивающихся применительно к источникам средневековья, источников нового и новейшего, советского главным образом, времени.² Эти задачи определялись общими направлениями и особенностями развития советского источниковедения и его специальных отраслей.

В последние десятилетия в Советском Союзе, как и за рубежом, наблюдается весьма интенсивное развитие специальных исторических дисциплин, причем отпочковываются и, как бы сказать, конституируются в особые дисциплины такие отрасли знания, как кодикология, берестология, фалеристика и др. В конечном счете это является неизбежным следствием более углубленного, дифференцированного изучения исторических источников, а равно и расширения ранее существующей источниковедческой базы, с другой, — в этом проявляется (и что нам хочется особенно подчеркнуть) стремление исследователей найти новые, более точные, следовательно, и более надежные методы обработки источников, обеспечить максимум извлечения из них научной информации и ее использования для исследования как частных, так и общих исторических проблем.

Наряду с этим имеет место и обратное явление — расширение функций и тематики ряда специальных исторических дисциплин, превращение их в отрасли знания, решающие не только прикладные, но и фундаментальные научные вопросы и тем самым занимающие самостоятельное место в развитии не только истории, но и других гуманитарных наук. Показательна в этом отношении развернувшаяся в советской историко-филологической литературе дискуссия о задачах и месте в современной науке палеографии и текстологии как самостоятельных отраслей изучения истории мировой письменности и культуры. Именно такая точка зрения в отношении данных дисциплин была выдвинута крупнейшими научными авторитетами в этой области, как академики Д. С. Лихачев и Л. В. Черепнин.³ Был поставлен вопрос

² От редакции. — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968, с. 3.

³ Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962, с. 23, 25, 37, 52; Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 43.

и о необходимости максимальной интеграции (как бы в противовес растущей дифференциации) в системе специальных исторических дисциплин. Эту тенденцию В. Л. Янин считает определяющей для развития современного источниковедения. «Магистральным направлением развития специальных исторических дисциплин, — пишет В. Л. Янин, — является в наше время не их дифференциация, которая, естественно, будет продолжаться и в дальнейшем путем совершенствования специфических для разных видов источников методических приемов, а их интеграция».⁴

Но не обходится в этом интенсивном и в то же время весьма сложном процессе развития современного источниковедения без известных издержек, а именно — превращения иногда анализа источника в самоцель. В области развития специальных исторических дисциплин это находит свое выражение в их трактовке как наиболее «объективных» отраслей исторической науки, способствующих получению исторических данных, имеющих самостоятельное значение, при этом специальное источниковедение все более начинает истолковываться как главная лаборатория научного исторического познания. На растущую обособленность источниковедения, а главное — на его известный отрыв от общепроblemатической проблематики уже обращалось внимание в литературе. Так, В. Л. Янин справедливо указывает, что «успех» вспомогательных исторических дисциплин «проявляется в быстром развитии новых исследовательских методов, которые позволили в решении многих специальных вопросов расстаться с интуитивными догадками и подойти к установлению таких объективных критериев, которые рождают бесспорный вывод. Признаки, ведущие в перспективе к возникновению кризисного состояния, заключаются в том, что прекрасно решаемые специальные вопросы с развитием вспомогательных дисциплин порой перестают носить характер важных исторических проблем, приобретая все больше и больше самодовлеющее источниковедческое значение».⁵

Поэтому нельзя согласиться с положением, сравнительно широко распространенным в новейшей историографии, что «источниковедение может рассматриваться как теория и методика добывания исторических фактов, а история — как теория и методика осмысления исторических фактов».⁶ Думаем, что такое опре-

⁴ Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1973, № 3, с. 77.

⁵ Там же, с. 66.

⁶ Каштанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. — Истор. архив, 1962, № 4, с. 176. — Здесь же опубликованы и материалы обсуждения статьи (с. 186—196). Подробный историографический разбор выдвигаемых в научной литературе определений задач источниковедения дается в статье В. В. Фарсобиной «К определению предмета источниковедения» (Источниковедение истории советского

деление задач источниковедения неправомерно противопоставляет процесс получения факта его анализу и научной интерпретации. В действительности это единый процесс научного познания. Думаем поэтому, что более прав С. О. Шмидт, когда, давая определение понятия источниковедения, пишет, что «источниковеде-

общества, вып. II. М., 1968). Специально обсуждался этот вопрос и на симпозиуме по проблемам источниковедения в Таллине в октябре 1972 г. В своем выступлении Е. Н. Городецкий не без оснований отметил, что «источниковедение развивается не только как вспомогательная, но и как теоретическая дисциплина, и в этом качестве сближается с теорией исторического познания, методологией исторического построения» — «в результате возникла тенденция к его самоутверждению, которая может привести к отрыву источниковедения от исторической практики, к превращению его в „грамматику без языка“». Эти опасения нашли поддержку в выступлениях Б. Г. Литвака, Л. В. Милова, С. О. Шмидта. С этим не согласился И. Д. Ковальченко, который полагает, что сейчас «источниковедческая наука находится в основном на эмпирическом уровне и, следовательно, об отрыве теоретического источниковедения от конкретного говорить еще рано». С. С. Дмитриев, наоборот, считает «необоснованным» выделение источниковедения в самостоятельную область науки, отмечая, что «источниковед всегда историк, а историк — источниковед». Я. С. Лурье в своем докладе и выступлении в прениях на симпозиуме подчеркнул роль историка, а следовательно, и его анализа как главного и единственного поставщика эмпирической информации. Он специально остановился на вопросе о необходимости строгого разграничения в источниковедении достоверных данных и исследовательских гипотез. Я. С. Лурье видит в «источниковедческом монизме» «альтернативу дедуктивному методу», когда представления о единичных событиях выводятся не из источника, а из представлений об общей исторической ситуации (Симпозиум по проблемам источниковедения в Таллине. — История СССР, 1973, № 4, с. 204—205, 208). Из последних работ, касающихся указанной полемики, отметим критические замечания А. Г. Кузмина, сделанные им во введении к его книге «Начальные этапы древнерусского летописания» (М., 1977). Автор выступает против точки зрения, что «только специальные дисциплины обеспечивают науку необходимыми фактами». Положение об «автономном существовании источниковедения как своеобразной фабрики „очищения“ источников, и истории, которая получает от источниковедения готовые факты», по мнению А. Г. Кузмина, ошибочно (с. 9—10). Что касается указанного выше мнения И. Д. Ковальченко, что в настоящее время советское источниковедение находится в основном на эмпирическом уровне и еще рано говорить «об отрыве теоретического источниковедения от конкретного», то это не вполне так. Во всяком случае именно об увлечении теоретическими проблемами говорит большинство научных докладов, особенно доклады М. А. Варшавчика, И. Д. Ковальченко, А. Г. Тартаковского, А. Д. Прошштейна, А. В. Лубского и Л. В. Милова, обсуждавшихся на пленарных заседаниях симпозиума по источниковедению, состоявшегося в сентябре 1979 г. в г. Новороссийске (см.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции, ч. I—II. Новороссийск, 1979. Москва, 1979). На симпозиуме явно превалировала тенденция, наблюдающаяся и в новейшей зарубежной историографии, к разработке особой методологии источниковедения («теоретического источниковедения») и ее обобщению в рамках теории исторического познания. Вопросы конкретного, практического применения новых теоретических построений в области источниковедения участники симпозиума, как правило, не касались.

ние — это наука об исторических источниках и приемах их выявления, изучения и использования в работе историка».⁷ Противопоставления источниковедения исторической науке в этом определении, как мы видим, нет.

Я упомянул об указанных дискуссиях, которые в последнее время активно ведутся на страницах ученых изданий, не случайно, поскольку от той или иной их оценки зависит определение общих и специальных задач развития источниковедения отечественной и всеобщей истории, следовательно, и самих вспомогательных исторических дисциплин в их «традиционном» понимании.

Мне представляется, что, несмотря на растущую дифференциацию исторических знаний, основной задачей исторической науки, объединяющей все ее отрасли, является изучение в первую очередь самих исторических явлений — события и факта, именно в силу этого и в новых условиях большинство специальных исторических дисциплин по-прежнему остается вспомогательными историческими дисциплинами в прямом смысле слова. Другое дело, что взаимоотношения между различными отраслями исторической науки по мере роста наших исторических знаний и профессионального уровня исследований не только не ослабевают в процессе их дифференциации, как может показаться с первого взгляда, а, наоборот, становятся более тесными, органическими. Поэтому наименование той или иной источниковедческой дисциплины одновременно то основной, то специальной, то вспомогательной и вызывает столь горячие дискуссии.

Я полагаю, что вспомогательные исторические дисциплины по преимуществу должны разрабатывать такие отрасли, следовательно, и проблемы источниковедения, которые, как например палеография, хронология, метрология, дипломатика, история летописания, текстология, геральдика, генеалогия, историческая география, требуют и специальных знаний, и специальных приемов анализа, всей совокупностью которых не всегда владеет (да и не может владеть) исследователь, занимающийся изучением конкретных исторических сюжетов в области экономической, социальной и политической истории или истории культуры.

Такая роль вспомогательных исторических дисциплин не ограничивает их научную проблематику (круг ее может быть значительно расширен) и тем более не только не уменьшает их научного значения, но, наоборот, делает их совершенно необходимым элементом научной лаборатории современного ученого, будь то историк, литературовед, социолог или представитель иных общественных и гуманитарных наук. В то же время, отмечая указанную черту вспомогательных исторических дисциплин и их особое место в исторической науке, необходимо иметь в виду,

⁷ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 14.

что невозможно вести их разработку вне общей системы современных исторических знаний и главное — общей научной проблематики. Результативность источниковедения не в том, что оно дает в руки исследователей математически точные абсолютные истины, как бы очищенные факты, а в обеспечении им возможности извлечь из анализируемых источников максимум необходимой информации, помогающей установить реальный ход изучаемых событий и явлений, их историческое опосредствование. Только органическая связь источниковедческого и исторического анализа, их взаимное обогащение могут дать наиболее плодотворные научные результаты.

Отсюда следует, во-первых, необходимость подчинения источниковедения поискам новых научных решений в области, как бы сказать, большой историографии, во-вторых, максимально полного привлечения для исторических исследований данных вспомогательных исторических дисциплин. Причем чрезвычайно важно учитывать опыт как отечественной, советской, так и зарубежной историографии, ее опыт в области научной проблематики и тем более техники и методики исторического ремесла. Естественно, что указанные поиски должны вестись в рамках и на базе общих направлений развития марксистской историографии, удовлетворять в первую очередь ее потребности.

Указанные общие цели и определяют в какой-то степени перспективный план и проблематику ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины».

В ближайшие годы редакция намечает поместить в ежегоднике в порядке дискуссии ряд статей, посвященных определению места и значения вспомогательных исторических дисциплин в системе исторических дисциплин в целом, а также обсудить вопрос о более широком использовании для их развития данных и методики естественных наук, а также современной техники.

Полезно обсудить, в частности, и вопрос о применении системного метода в актовой дипломатике. В этом отношении мы разделяем мнение В. И. Буганова и А. А. Зимина, высказанное ими на страницах журнала «История СССР», о необходимости дать более определенную характеристику значения трудов А. С. Лаппо-Данилевского в области «систематического исследования» формуляра частных актов.⁸ Вряд ли правильна широко распространенная в советской историографии 40—50-х годов односторонняя оценка его научного наследия лишь как проявления кризиса буржуазного источниковедения.⁹ Лаппо-Данилевский не был марксистом, но многие его начинания в области отечествен-

⁸ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 125.

⁹ Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — Вопросы истории, 1949, № 8.

ного источниковедения заслуживают всестороннего и самого внимательного изучения. Критический анализ ошибочных теоретических построений Лаппо-Данилевского в области дипломатики не должен мешать выявлению позитивных моментов в его практической исследовательской деятельности в области источниковедения. Не случайно в конце 50-х—60-х годов по инициативе А. А. Зимина и С. М. Каштанова был поставлен вопрос о необходимости применения «системного метода» в советском актовом источниковедении. Эти новые начинания получили поддержку Л. В. Черепнина и С. О. Шмидта. Думаем, что вопросы актовой дипломатики должны занять более значительное место в публикациях ежегодника.

Редакция намечает поместить ряд статей о таких крупнейших советских ученых, как М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, А. И. Андреев, С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. Д. Люблинская, А. А. Зимин, характеризовать их вклад в развитие отечественного источниковедения.

Дискуссия о научном наследии А. А. Шахматова уже давно ведется на страницах наших журналов, но в известном отношении она пока способствует скорее поляризации взглядов сторонников и противников шахматовского «ученого направления» в области изучения русского летописания, чем его всестороннему позитивному изучению. Большинство крупнейших советских исследователей (Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Я. С. Лурье, В. Л. Янин) активно выступали «за» Шахматова, за максимально полное и всестороннее изучение его научного наследия, против характеристики его исследовательских методов в области изучения русского летописания, как по преимуществу субъективистских. Это сложный вопрос, видимо, к нему полезно вернуться на страницах «Вспомогательных исторических дисциплин».

Заслуживает внимания и поставленный еще Л. В. Черепниным вопрос о перенесении «шахматовского метода» работы над летописями в область актового источниковедения. По мнению Черепнина, речь идет об установлении связи между составом актов сборников XV—XVI вв. и даже самим актовым формуляром и политическими интересами их составителей. Развивая эти положения, Черепнин формулирует свой взгляд на задачи классового анализа актового материала. Эта точка зрения получила свое развитие — применительно к публичным актам — в ряде работ советских источниковедов. Но имеются и серьезные возражения против подобной интерпретации классового метода в источниковедении.

Что касается применения новой источниковедческой методики в области вспомогательных исторических дисциплин, имеющих дело с массовыми данными, то центральное место здесь в настоящее время занимает вопрос о возможностях и результативности математических приемов анализа как форме обработки истори-

ческих источников. В этом отношении уже немало сделано в советском и особенно зарубежном источниковедении, напомним о плодотворных результатах применения математических методов хотя бы в палеографии и текстологии (например, подсчет вариантов на ЭВМ), но в широком источниковедческом плане этот вопрос еще не получил должного освещения в советской историографии. Мы еще плохо знакомы с результатами работ в этой области и наших зарубежных коллег. В то же время «математическое источниковедение» — проблема, требующая не столько теоретического постулирования, сколько практической разработки и проверки на базе конкретных исторических исследований.

Редакция полагает, что необходимо шире публиковать сообщения и статьи обзорного характера, содержащие библиографические данные о новейших исследованиях по вспомогательным историческим дисциплинам в советской и зарубежной науке. Эти обзоры полезны не только для широких кругов историков, но и послужат базой для подготовки сводного библиографического труда по вспомогательным историческим дисциплинам, создание которого, как нам представляется, становится все более необходимым. Инициативу в создании такой специализированной библиографии могли бы взять на себя соответствующие секторы Института истории СССР АН СССР и его Ленинградского отделения. Но подготовлена она может быть только при участии ведущих советских специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам, работающих в различных городах и научных учреждениях Советского Союза.

Необходимо и создание специализированных справочников (энциклопедического типа) по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам. Существующие подобные издания, например по палеографии, требуют обновления, а иногда и составления на основе более разработанных научных принципов, соответствующих современным научным требованиям и международным «ученым стандартам». Эти вопросы также требуют своего обсуждения на страницах ежегодника.

Нам представляется, что подготовка справочных изданий по вспомогательным историческим дисциплинам, причем изданий самого различного типа, включая учебные пособия, картографические материалы и альбомы, например почерков и филиграней, является одним из главных методов «первооружения» исторической науки на базе новой «источниковедческой техники». Это бы не только облегчило труд исследователя, но и создало условия для использования новейших достижений специальных исторических дисциплин в исследовательской работе как в области истории средних веков, так и новой и новейшей истории.

Естественно, что подготовка указанных сводных справочных изданий ни в коей мере не подменяет необходимости научной разработки каждой специальной исторической дисциплины в отдельности, а равно и изучения различного вида источников и

применения для их анализа новых источниковедческих приемов — определения степени их достоверности, репрезентативности, датировки, текстологической и идейной специфики и т. д. Такие статьи чрезвычайно нужны редколлегии как по «традиционным», так и новым, развивающимся вспомогательным историческим дисциплинам. В то же время редакция продолжит публикацию отдельных статей, посвященных изучению наиболее значительных или интересных конкретных исторических памятников, в том числе впервые вводимых в широкий научный оборот.

Особое место занимает разработка вспомогательных исторических дисциплин, касающихся новой и новейшей истории. Эта область источниковедения не имеет таких научных традиций, как изучение средневековья, но в то же время она имеет свои специфические особенности.

В работе над источниками нового и новейшего времени реже приходится решать вопрос о подлинности документа и его датировке, опираясь на его внешние признаки, хотя и эта задача остается, меньшее применение имеют здесь и такие дисциплины, как историческая география, дипломатика, сфрагистика, генеалогия, но зато на первый план выступают такие сферы исследования, как документоведение, эпистоляроведение, мемуароведение, а также разработка, так сказать, статистического источниковедения. Особого внимания исследователей требует и использование в качестве исторических источников художественных и публицистических произведений, протоколов, анкет, листовок, частных писем, периодической печати, правительственных и ведомственных распоряжений, а также иных массовых источников подобного рода. Опыт изучения подобных источников, выяснение их источниковедческих особенностей и научного значения требуют и специальных, и обобщающих статей. Вполне вероятно поэтому возникновение новых специальных исторических дисциплин, связанных с использованием источников нового и новейшего времени.

По мере резкого увеличения, особенно с середины XIX в., массовых источников как государственного, так и частного происхождения встает вопрос о разработке особых методов первичной обработки и публикации этих материалов, в частности применения табличного метода и сокращенных публикаций, а также, возможно, и источниковедческого моделирования. Принципы и особенно практическая значимость последнего, правда, нуждаются еще в серьезной исследовательской апробации.

Эти вопросы и проблемы относятся к числу наиболее слабо разработанных в советском источниковедении, но их изучение совершенно необходимо, и это дело не только археографии, но и специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. Редколлегия ставит своей задачей помещение специальных статей, в той или иной степени касающихся этих вопросов.

Эта задача является одной из наиболее трудных и на своих начальных этапах требует в первую очередь конкретных статей по

частным вопросам вспомогательного источниковедения нового и новейшего времени и особенно по истории СССР советского периода.

Таковы основные направления, те общие и частные проблемы, которые редакция «Вспомогательных исторических дисциплин» предполагает затронуть на страницах ежегодника и которые в той или иной степени служат ее научными ориентирами. В то же время редакция осознает, что поступательное развитие советской и зарубежной историографии, те общие задачи, которые стоят перед советскими историками в области актуализации научной тематики, необходимости ее концентрации на узловых проблемах отечественной и всемирной истории, неизбежно внесут существенные коррективы как в общее направление, так и в конкретные планы публикации ежегодника.